

М. Б.

Опять советское переводоведение

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_388

Новации и традиция русской школы перевода: сборник /

Сост. и науч. ред. Н.И. Рейнгольд.

М.: РГГУ, 2021. 431 с.

Книга «Новации и традиция русской школы перевода», выпущенная с обозначениями «научное издание» и «коллективная монография», имеет их формальные признаки. Она логично разделена на тематические блоки (в которых статьи разных авторов представлены как главы общего труда с нивелированием индивидуального авторства — мы в рецензии так и будем их рассматривать): первая часть, как заявлено, определяет содержание и границы понятия «русская школа перевода», во второй рассматривается ее «традиция», в третьей — «новации» (вопрос, почему предполагается только одна «традиция», пока оставляем за скобками). Однако коллективной монографией книгу назвать невозможно по меньшей мере по двум причинам. Во-

первых, входящие в нее работы в основном уже заявленных в их заглавиях тем, в результате представленная в оглавлении как будто исчерпывающая предмет книги структура оказывается видимостью, титульная тема описана только в произвольных и не самых важных для ее раскрытия аспектах. Во-вторых, содержание и стиль изложения основной части статей далеки от научного, в них не соблюдены базовые презумпции научного текста: исследовательская новизна, библиографическая полнота, эксплицированность метода и проч. Авторы, видимо, не учитывают, что научный текст принципиально отличается от лекции или пособия, адресованного студентам, где доступно и по возможности увлекательно излагаются факты, специалистам безусловно известные.

Из двенадцати глав книги восемь написаны сотрудниками кафедры теории и практики перевода Института филологии и истории РГГУ, причем в трех из них автором или соавтором выступает составительница сборника, заведующая этой кафедрой, что дает основания воспринимать книгу как по преимуществу кафедральный продукт. Это хорошо известный тип издания, позволяющий преподавателям, которым учебная и бюрократическая нагрузка не оставляет времени полноценно заниматься научной работой, получать необходимые рейтинговые баллы за «публикаторскую активность» и обычно не предполагающий внешнего критического обсуждения. Однако эта книга выпущена как коллективная монография и с претензией на научную актуальность (вступление «От составителя» названо «Полевые заметки»), что заставляет отнести к ней соответствующим образом.

На полюсах книги расположены две небольшие статьи приглашенных участников. На одном — вполне корректный частный разбор экранизаций «Пиковой дамы» на английском русскими кинематографистами-эмигрантами: анализируя материал, уже собранный в работах Рашида Янгирова и Наталии Нусиновой, автор соединяет два известных подхода к анализу перевода. С одной стороны, рассматривается доместикация, «склонение на нравы» принимающей культуры (в исследуемом случае русская классика адаптируется для иностранного зрителя через посредничество русских кинематографистов-эмигрантов). С другой — типология перевода: здесь прежде всего представлен межсемиотический перевод (с вербального языка литературы на невербальный язык кино). Кроме того, используется более общий (на наш взгляд, именно поэтому менее продуктивный) способ рассмотрения культуры как явления перевода.

Решение составителя тома поместить эту статью в раздел «Новации отечественного переводоведения» не сразу понятно. Мы было подумали, что оно исходит из того, что первыми, в 1920-е гг., анализом соотношения кино и литературы стали заниматься отечественные филологи-формалисты, а определение трех типов перевода дал выходец из этой же среды Роман Якобсон в известной статье «О лингвистических аспектах перевода» (впрочем, вышедшей в 1959 г. на английском). Выявление новаторства переводоведения советской эпохи, нивелированного государственной монополизацией поля литературы, цензурными ограничениями, политическими запретами и репрессиями, железным занавесом, слабой мировой распространенностью отечественных публикаций и русского языка и прочими внешними обстоятельствами, имело бы, вероятно, смысл: множество безусловно новаторских тогда и до сих пор плодотворных идей о переводе можно найти у филологов-формалистов, у занимавшихся проблематикой научного перевода ученых-гахновцев Б.И. Ярхо, Г.Г. Шпета, Д.С. Усова, у связанных с ГИИИ А.В. Федорова и С.И. Бернштейна¹; у украинских исследователей перевода А.М. Финкеля и В.Н. Державина²; и позже можно обнаружить совершенно беньяминовское понимание перевода у В.В. Бибихина в конце 1960-х (когда статья «Задача переводчика» еще не вошла в моду)³; теоретические потенциалы скрыты в некоторых вообще безавших теории отечественных академических штудиях перевода как историко-литературного аспекта (очевидные примеры — статья Г.А. Гуковского «К вопросу о русском классицизме» (1928), ранние античные переводы А.Н. Егунова и его поздняя монография «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков», 1964); вероятно, важные «новации» можно обнаружить в сделанных в советское

-
- 1 Впоследствии видный советский переводовед Федоров в ранних работах опирался на труды своего учителя Ю.Н. Тынянова и рассматривал перевод как динамическую борьбу «генезиса» (действие оригинала) и «традиции» (влияние родной литературы), см.: *Федоров А.В. Проблема стихотворного перевода // Поэтика: Временник отдела словесных искусств [ГИИИ]. Л., 1927. Вып. 2. С. 104—118.* Бернштейн объединял теорию перевода с преимущественно его интересовавшей теорией декламации как два отдела общей теории интерпретации, см.: *Звучащая художественная речь: Работы Кабинета изучения художественной речи (1923—1930) / Сост. В. Золотухин, В. Шмидт. М., 2018. С. 433—445.* Эти темы — в отличие от научного, в том числе переводоведческого, наследия Ярхо, Шпета, Усова, которым посвящены фундаментальные исследования и комментированные издания, — еще далеко не изучены.
  - 2 См. многочисленные работы А.В. Кальниченко и других современных украинских исследователей истории и теории перевода. В рецензируемом сборнике украинская советская школа переводоведения, безусловно являющаяся частью советской, вообще не упоминается.
  - 3 См.: *Фокін С.Л. Владимир Бибихин и Вальтер Беньямин о сущности перевода // Вестник ЛГУ им. Пушкина. 2013. Вып. 1. Т. 2. С. 16—27.*

время переводах древних памятников (античных, восточных, европейских), сохранявших относительную независимость, по крайней мере в области метода перевода — точного научного, а не доместизирующего «реалистического» — в силу труднодоступности их материала для цензоров и «широкого советского читателя». В общем, интересного материала для реконструкции «новаций» отечественного, даже советской эпохи, переводоведения довольно много. Однако в рецензируемом сборнике большинство названных нами авторов не упоминается. Даже имя М.Л. Гаспарова в ней возникает всего один (!) раз. Судя по тому, что из двух следующих статей раздела отечественных «новаций» одна представляет совместный со студентами исследовательский проект автора статьи по описанию семантических сдвигов при киноэкранизации, а вторая — предложенную ее автором методику преподавания синхронного перевода (снабженную экскурсом в историю обучения ему в вузовских системах разных стран), приходится предположить, что авторы сборника предлагают считать «новациями» в области отечественного переводоведения собственные текущие труды — научную статью, совместный со студентами исследовательский проект и методику преподавания.

На другом полюсе сборника — эссе другого приглашенного автора, замечательного переводчика, о трех переводах «Памятника» Горация (Ломоносова, Державина и Пушкина), то есть на тему, которой посвящено огромное число историко-литературных работ. Оно адресовано любознательному, но филологически девственному читателю, снабжено всего одной библиографической ссылкой и послесловием, в котором речь идет о собственном переводе автором шекспировского «Макбета». Поневолу вспомнишь известное *mot* Романа Якобсона по поводу идеи пригласить Владимира Набокова, большого писателя, преподавателем литературы в Гарвард: «Слон тоже большое животное. Мы же не предлагаем ему преподавать зоологию».

Обратимся к основному корпусу статей, написанных сотрудниками кафедры теории и практики перевода РГГУ, прежде всего к тем, которые нас заинтересовали по заглавиям.

Можно предположить, что заявив тему «Переводоведческая школа Ю.Д. Левина», автор собирался выявить приемы работы этого образцового академического компаративиста, исследователя истории отечественного перевода XVIII—XIX вв., в той области, которой он владел особенно виртуозно, — работы с источниками, атрибуций, — что было бы действительно важной школой для нового поколения ученых (тем более что сам Левин, по принятой в советскую эпоху опасливости в отношении всякой теории, даже методологической, их не эксплицировал). Однако статья гораздо уже своего заглавия и содержит лишь краткий популярный пересказ работ Левина об отечественной рецепции Сэмюэля Джонсона (даже их выявление не требовало усилий, так как имеется библиография, напечатанная Н.Д. Кочетковой в сборнике «Res traductoria» (СПб., 2000)). То, что Левиным в свое время было сделано с бескомпромиссным научным трудолюбием, тщательностью и исследовательской интуицией и написано умным и сухим, обращенным к специалистам языком, с исчерпывающим и скрупулезно выверенным библиографическим аппаратом, здесь переписано в совсем другом тоне (который Левин бы вряд ли одобрил): снабдив статью сообщением доступных в любом словаре сведений о Джонсоне, автор, адресуясь, вероятно, студенческой аудитории, пытается вызвать интерес к научным трудам Левина восторгами по поводу их вполне рутинных аспектов: «...именно Левин сломал лед молчания, окружавшего личность и наследие Джонсона в течение многих десятилетий в отечественной науке» (с. 130), — никакого «льда молчания» не было, просто тема не привлекала внимания исследователей; им была «осуществлена атрибуция тех переводных публикаций из

Джонсона, которые вышли по-русски без имени автора (а это адски сложная работа)» (с. 131), — в XVIII — начале XIX в. большая часть журнальных публикаций, в том числе переводов, была анонимной, и их атрибуция — обычная работа исследователей этой эпохи; «взвешенная оценка той позиции, которую Джонсон занял в споре о подлинности песен Оссиана, сделана ученым на основе изучения оригинальных источников и историко-литературных фактов» (с. 135) — а что, можно это делать как-то иначе? В целом статья, вопреки благим намерениям автора, дает студентам искаженное представление о научной работе исследующего перевод традиционного историка литературы прежде всего тем, что сама, будучи эмоциональным пересказом чужого, претендует на статус научной.

Другая работа, привлекавшая наше внимание своим заглавием, — публикация «И.А. Кашкин. Из архивов 1920-х гг.». Кашкин исключительно важная и сложная фигура в советской истории перевода 1930—1950-х гг., в свое время жесткий монополист, создавший не столько школу, сколько, по выражению Г.А. Шенгели, «обойму»⁴ переводчиков, редакторов, критиков в издательствах и журналах; автор совершенно невнятной, если пытаться понять ее вне прагматики борьбы за власть в поле перевода, теории «реалистического перевода»; безжалостный гонитель «буквалистов» (в большой степени им самим в таком качестве придуманных), — этому посвящена известная книга Андрея Азова «Поверженные буквалисты» (М., 2013). Однако тот же Кашкин, трудолюбивый и одаренный переводчик, своими переводами Хемингуэя и антологией «Поэты Америки. XX век», составленной и переведенной им вместе с Михаилом Зенкевичем (1939), которую высоко ценил Иосиф Бродский, во многом создал послевоенного, особенно «оттепельного», советского читателя. Беспристрастный анализ деятельности Кашкина по-прежнему представляется интересным для понимания истории советского перевода, как и архив Кашкина в РГАЛИ (Ф. 2854), который уже привлекал внимание исследователей. Впрочем, автор публикации сосредоточился на раннем, преподавательском, этапе карьеры Кашкина: публикация представляет собой приложение (что не сразу понятно из-за того, что в сборнике все публикационные приложения, а также ссылки оторваны от своих статей и сдвинуты в конец книги) к статье «Из истории становления принципов преподавания художественного перевода в высшей школе по материалам архива И.А. Кашкина». Понятно, что выбор вообще не очень интересного и показательного для фигуры Кашкина аспекта методики вузовского преподавания перевода мотивирован профессиональными интересами автора статьи. Публикуемые и цитируемые в статье тексты Кашкина относятся к 1928 г. и представляют собой составленные им в один и тот же день довольно формальные и отчасти дублирующие друг друга отчеты о проведенном им практикуме по переводу, а также планы этого практикума. Все это было бы неплохо, если бы публикация была снабжена хотя бы базовым комментарием (невозможно воспринимать в качестве такового ни предвещающую ее статью, которая представляет собой коллаж и пересказ цитат из того же архивного источника, ни одинокое палеографическое сообщение в середине публикации: «Л. 3—4 формата больше А4, пожелтевшая бумага, неплотная, сложенная как тетрадный лист, машинопись, правка от руки карандашом. Л. 1—2 то же по форме», с. 354). Элементарная публикаторская корректность требует указывать номер фонда и единицы хранения (из статьи можно понять, что публикуется материал из: РГАЛИ. Ф. 2854. Оп. 1. № 104, — однако со-

4 Цит. по: *Bumm С.* Концепт «советская школа перевода» — дитя позднего сталинизма // Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перевода и трансформация советской литературы. 1954: Коллективная монография / Отв. ред. В.Ю. Вьюгин; сост. К.А. Богданов, В.Ю. Вьюгин. СПб., 2019. С. 313.

общение о номере листа появляется только на второй странице публикации, а в ее середине происходит переход от л. 17 к л. 1, но не сообщается, какой единицы хранения); оговаривать сохранение правописания Кашкина: «Уэлс», «Уальд», «Гольдсмир», «Джен Остен», а также раскрывать сокращения (например: «необходимость предварительного изучения оригинала и его способн. и т.д.» (с. 354), — здесь, кажется, опечатка и должно быть: «особ<e>н<ностей>»). Для понимания кашкинской методики преподавания полезно было бы пояснить, какую «статью о Тагоре» он «прорабатывал» со слушателями семинара (с. 342), какие русские переводы Диккенса и Маколея разбирал (там же; диккенсовские переводы Шпета, Ланна и Кривцовой, на критике которых Кашкин во многом выстроил свою карьеру, тогда еще не вышли); следовало бы дать выходные данные использованных им «книг учебного типа: 1. Рыбникова — Наш язык <...> 2. Пешковский — ст<атьа> в сборнике изд<анном> Акад<емией> худож<ественных> наук о работе и приемах анализа худож<ественной> прозы» (с. 345; сокращения раскрыты нами) — тогда эти авторы хотя бы попали в именной указатель к коллективной монографии. Вводящая публикацию статья содержит те же неисправности: цитаты без точных ссылок на архивные единицы, ошибочные прочтения (или неоговоренное воспроизведение опечаток источника): «Бытовой язык включает в себя обывательский, обиходно-терминологический, диалектический языки (Диккенс) <...>» (с. 124), — вероятно, вместо «диалектический» должно быть «диалектный». Не откомментирован приведенный Кашкиным видимо важный для него список теоретической литературы по переводу: «...статьи А. Фёдорова в сборниках “Poetica” <...>; статья Финкеля; статья Державина “Проблемы віршованного перекладу” <...>» (с. 125), — можно подумать, что это не сделано по причине общеизвестности этих статей, но нет: в именном указателе А.М. Финкель с единственной отсылкой к странице данной статьи упомянут почему-то под вопросом⁵, В.Н. Державин не упомянут вовсе; на имя А.В. Федорова отсылки к этой статье в именном указателе нет.

Впрочем, в рецензируемом сборнике есть публикация «В. Стенич. Из переводческого наследия»: здесь работа публикатора ограничилась перепечатыванием коротких фрагментов из самых известных переводов Стенича, «Джойса» Улисса и «Манхэттена» Дос Пассоса, и параллельного текста оригиналов. Стоит ли добавлять, что в статье, приложением к которой является эта «публикация», нет сопоставительного анализа приведенных фрагментов, что она начинается с удивительного (если вспомнить, что перед нами «научное издание») утверждения: «Сейчас немногие знают имя <...> Стенича» (с. 199); включает перепечатанную почти целиком знаменитую заметку Блока «Русские денди» (со ссылкой не на собрание сочинений или первое издание, а на электронный ресурс) и опирается в большой степени на анекдоты из воспоминаний Михаила Ардова, не проблематизируя их достоверность.

Есть ирония в том, что о «русском денди» написано языком дамского романа: «отец (Стенича. — М.Б.), очень красивый мужчина незаурядного ума» (с. 200), «его (самого Стенича. — М.Б.) считали элегантнейшим мужчиной своего време-

5 Кашкин, вероятно, анализировал либо одну из самых ранних статей Финкеля, «О переводе» (Художественная мысль. 1922. № 12), либо статью «Украинские писатели в русских переводах» (Красное слово. 1928. № 1—2). Главное переводоведческое сочинение Финкеля, монография «Теорія й практика перекладу», вышло позже (Харьков, 1929). Все это можно было легко выяснить по сборнику «Олександр Фінкель — забутий теоретик українського перекладознавства» (Вінниця, 2007)); одновременно с рецензируемой коллективной монографией вышел сборник «Художественно-филологический перевод 1920—1930-х гг.» (СПб., 2021), где Финкелю, а также В.Н. Державину посвящена статья современного харьковского переводоведа А.А. Кальниченко.

ни» (с. 203), он «ходил одетым с головы до ног в черную кожу» (с. 204), — потом, правда, вся эта роскошь закончилась: Стенич, «как в сказке, грянул оземь и обратился блестящим переводчиком <...> и оказался неожиданно для самого себя одним из основателей того, что мы сейчас называем “советская школа художественного перевода”» (с. 205). Аналогичной иронией в этом сборнике окрасилась фигура покойного Г.А. Барабтарло, хорошего исследователя и переводчика Набокова. Приверженность Барабтарло дореформенной орфографии и «досоветской» лексике в переводах и собственных стихах, а также анти/внесоветская поза эмигранта первой волны (у человека, до начала 1970-х гг. учившегося и работавшего в Москве, а потом преподававшего в Университете Миссури) имели всем известный характер чудачества и *imitatio* Набокова. Как переводчик Барабтарло, в сущности, перекладывал прозу позднего американского Набокова на язык раннего русского Набокова (анахроничность этого предприятия продемонстрировал еще собственный набоковский перевод «Лолиты» на русский язык), превращая перевод в «посещение музея», в своем роде безусловно интересное для анализа. Главной переводческой заслугой Барабтарло считается его ранний, совместный с Верой Набоковой, перевод «Пнина» (и посвященное роману литературоведческое исследование), где такой подход оказался органически родственен объекту. В настоящей статье, впрочем, рассматривается его последний перевод из Набокова — русская версия незаконченного, а если говорить честно, то только фрагментарно набросанного на карточках романа Набокова «The Original of Laura», опубликованного сыном и наследником Набокова вопреки воле писателя много лет спустя после его смерти с сомнительным оправданием и в сопровождении также не совсем приличного ажиотажа. Барабтарло, вообще не считавший решение наследника правильным, оказал услугу искренне любимому и глубоко близкому ему автору, потому что любой другой перевод этих бедных кусочков нанес бы его памяти еще больший вред. Естественно, в связи с этим в общем для него вынужденным переводом Барабтарло пришлось давать интервью отечественным изданиям, где он выступал в утрированной анахроничной манере культурного «антисоветчика», которую стоило прощать прекрасному и самоотверженному переводчику. Барабтарло говорил в интервью: «Как раз так называемая советская школа перевода привыкла к насилию над оригиналом, и там действительно и собственное правописание, и собственная гордость, и на буржуев смотрят свысока и переводят их по-свойски» (цит. по с. 211). Автор статьи, однако, всерьез берет это в качестве «тезиса» и «отправной точки для данного исследования» (там же), считая, что Барабтарло тут «озвучивает <...> черты своей переводческой стратегии, противопоставленной советской позиции» (с. 213). При этом «советскую позицию» автор статьи понимает безусловно как domesticating, то есть, как и большинство авторов сборника, преимущественно «кашкинскую» (М.Л. Лозинский, у которого помимо блестящей практики тоже была своя теория перевода и практика обучения ему в опытах семинарского коллективного перевода, в сборнике упоминается трижды, а Кашкин и его идеи — не менее полусотни раз). Это, пожалуй, ключевой момент, придающий рецензируемой книге единство: ее авторы в основном понимают «советский перевод» и «советское переводоведение» по-советски: как отдел монополизированного советской властью поля литературы с безусловно доминирующим «единственно правильным» методом, — а все прочие переводческие и переводоведческие предприятия рассматривают через соотношение и противостояние с ним. Это то же самое, что рассматривать «социалистический реализм» и соответствующие произведения советской литературы как доминантное литературное явление эпохи, а всю прочую отечественную словесность тех лет описывать как реакцию на них, то есть подменять внеположную исследовательскую точку зрения внутренней советской. Исходя из та-

кого понимания «советского перевода», автор статьи предпринимает критическое сравнение оригинала «Лауры» с переводом — критическое не в филологическом, а в журнальном смысле, с выставлением оценок (начальная отсылка к «методологическому инструментарию» из одной иностранной переводоведческой работы в рецензируемой статье совершенно не работает). Весь этот многослойный советский пирог предсказуемым образом сводится к бесплодным и при этом на самом деле неточным тавтологиям: «антисоветский» переводчик Барабтарло на самом деле со своими лексическими, орфографическими и пунктуационными маньеридами оказывается вполне советским «доместикатором».

Поразительна эта статья, в частности, тем, насколько она своим стилем была бы невыносима для Барабтарло: «...в каждой отдельной ситуации основные аспекты схемы следует интерпретировать с точки зрения конкретных приоритетов, а именно доминантных норм конкретной системы»; «Если говорить о композиции, то и в этом отношении Барабтарло не остался безучастным»; «...такое смешение хронотопов совершенно неправомерно порождает путаницу у читателей, что, конечно, работает не в пользу Барабтарло»; «Чтение его перевода может вызвать диссонанс у читателей» и проч. Обращаясь к словарю Даля, излюбленному чтению Набокова и вслед за ним Барабтарло, в свойственной ему манере сообщавшего, что берет словарь именно «в третьем издании, 1903 года» (цит. на с. 386), автор статьи ссылается на онлайн-версию словаря без указания не только года выпуска, но даже тома. Этот безошибочный библиографический знак низкого научного качества стоит на статьях нескольких авторов рецензируемой коллективной монографии: цитируя А.К. Толстого, дают ссылку: «Из фонда Президентской библиотеки: “граф Толстой был поэтом мысли воинствующей...” [Электронный ресурс]» (с. 357); сходным образом даны ссылки на статьи В.Г. Белинского (с. 361—362) и А. Блока (с. 383), письмо И.С. Тургенева (с. 362), романы Кишлинга (с. 357), Сергеева-Ценского (с. 374), А.К. Виноградова (с. 375), Р. Саббатини (с. 375—376). В этом мы видим и вину редактора книги — привести сноски в приличествующий научному изданию вид нетрудно. Прежде всего этот упрек касается большой статьи иностранного аспиранта кафедры о Б.Ф. Шлёцере как переводчике: редактору следовало исправить многочисленные галлицизмы франкофонного автора, затрудняющие чтение текста; посоветовать не цитировать в эпиграфе «Поэзию и правду» Гете во французском переводе; указать, что по-русски книжные серии и сборники «Плеяды» и «NRF» не называют «коллекциями», а встречи в Понтиньи и семинары Делеза — «конференциями». Нужно было поправить разноречивую в библиографическом оформлении и такие странности, как ссылка на известную статью Шлёцера к 70-летию Льва Шестова, опубликованную в русской парижской газете «Последние новости» (1936. № 5439. 13 февр.), которая дана так: «Последние новости. Журн. “Звено”» (с. 168), — с подробным примечанием (с. 380) о разных эмигрантских изданиях, называвшихся «Звено», даже хронологически к данной публикации отношения не имеющих. О собственно переводоведческом содержании главы удобнее судить по ее нормально отредактированному варианту «Борис Шлёцер: парадоксы переводчика» (Вопросы литературы. 2020. № 1); в настоящем сборнике работа имеет больший объем главным образом за счет плеоназмов, а также подробного сообщения сведений о Шлёцере, к теме сборника непосредственного отношения не имеющих: его биографии, музыковедческих, философских и литературоведческих сочинениях. Вопрос о том, насколько переводы Шлёцером русской классики и трудов Шестова на французский язык можно отнести к «русской переводческой традиции», оставим на совести составителя книги.

Тут приходится перейти к самому, пожалуй, неприятному — к тому, что входящие в коллективную монографию статьи авторов старшего поколения и примкнув-

ших к ним заставляют усомниться в верности датировки книги 2021 г. и предположить, что они были задуманы в конце 1980-х в кругу Нины Андреевой, а сейчас их авторы пробудились, услышав зов знакомой трубы. Собственно, достаточно было бы процитировать объяснение приверженности «перевода на Западе» доместицирующему «сглаживающему» подходу (стоит ли возражать, что это утверждение вообще не точно) из уже упоминавшейся статьи о Барабтарло: «Возможно, это явление на Западе можно объяснить потребительским отношением людей ко всему, что их окружает, в том числе и к литературе. Общество потребления, как-вым является современное западное, сформированное во второй половине XX в., отмечено массовым потреблением материальных благ и соответствующей системой установок и ценностей. У людей подчас не возникает такой опции, как выбор, ведь специально обученные люди и даже компьютерные программы могут сами решить, что нужно именно Вам. И такой легкий путь постоянно навязывается посредством рекламы средствами массовой информации, которые ежедневно “выливают” тонны новых сообщений вне зависимости от того, нужны они конкретному человеку или нет. <...> Если посмотреть на ситуацию с точки зрения перевода иностранной литературы, то, несомненно, верной становится стратегия доместицирующего перевода, ведь книга — такой же потребляемый продукт, как и все вокруг, и его “потребление” не должно вызывать никаких затруднений у читателя, поэтому издательствам выгодно публиковать переводы, написанные гладким, читательным языком» (с. 230—231). Две другие схожие работы, написанные важно, с ощущением значимости каждого своего слова, состоят в основном из характерно советского схоластического пережевывания идеологических слов, как «русский» и «советский», и вопросов с душком: можно ли считать «советским шахматистом» «Михаила Нехметьевича Таля», который был официально представлен как «латвийский советский шахматист», если он «не являлся этническим латышом» (с. 17); перестал ли Е.Г. Эткинд, эмигрировав, быть «советским исследователем» (с. 21); характерно замечание, что «причисление к создателям “советской школы перевода” поэта, расстрелянного по обвинению в *антисоветском заговоре* (Н.С. Гумилева. — М.Б.), отдает заметной, хотя и весьма горькой, исторической иронией...» (с. 25). Эти авторы всерьез, как филологически полными, пользуются выражениями «социалистический реализм», «реалистический перевод», «советский»; рассуждают о содержательном различии между понятиями «адекватный перевод» (определение из статей А.А. Смирнова, впервые в советский период использованное Ф.Д. Батюшковым) и «полноценный» (бедный испуганный А.В. Федоров предлагал заменить первый «иностраннный термин» этим «русским словом» — конечно, автор рецензируемой статьи ни словом не упоминает о борьбе с «буквализмом», «формализмом» и «космополитизмом» как контексте этой замены). Понятно, что самым подходящим объектом для этой бесплодной советской схоластики является «реалистический перевод» Кашкина. Непонятно, что может сейчас заставить всерьез цитировать банальные возражения Г.Р. Гачечиладзе на эту сугубо идеологизированную чепуху или попытку П.М. Топера придать ей наукообразный вид, нужным образом исказив историографию отечественного перевода. При этом занимают ли авторы рецензируемых статей про- или антисоветскую позицию, оказывается неважно, так как они ментально пребывают в советской парадигме и видят «советский перевод» и «школу перевода» как «единственно верные», то есть тотально доминирующие в данный период времени и обладающие иерархической структурой, — в сущности «советские» — институты, не замечая важности в советскую эпоху иначе устроенных неофициальных сообществ, семинаров, объединений, индивидуальных антреприз, альтернативных способов литературной, в том числе переводческой, жизни и творчества.

О собственно научном качестве этих статей писать не имеет смысла: научной новизны и аналитической составляющей в них нет — они излагают общеизвестное и чужое, но даже это делают часто неисправно: пространно рассуждая с цитатами из С.П. Шевырева и др. о выражении «гнилой Запад», автор не подозревает о существовании исчерпавшей данный вопрос статьи А.А. Долинина в сборнике его статей «Гибель Запада» и другие мемы» (М., 2020)⁶; излагая историю отечественного перевода начиная с древнерусского периода, опирается, как плохой студент, на электронные ресурсы и легко находимые в интернете новейшие статьи в разных «Вестниках» (по ним, в частности, цитируя Вяземского, Тютчева, Лескова), ни разу не сославшись на фундаментальный двухтомник «История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век» (отв. ред. Ю.Д. Левин. СПб., 1995) и не упомянув вообще переводческие предприятия Н.И. Новикова и Н.М. Карамзина; говоря об издательстве «Academia», бывшем, по словам А.А. Смирнова, «лучшей школой мастерства художественного перевода»⁷, автор статьи ограничивается тремя строчками; рассуждение об отечественной цензуре, русской и советской, обходится без единой ссылки на материалы РГИА и специальные работы и т.д. Вообще авторы рецензируемой коллективной монографии в основном ссылаются, как уже говорилось, на легко гуглящиеся статьи в неведомых «Вестниках», электронные ресурсы, собственные и своих коллег сочинения, особенно опубликованные выпускающим учебники издательством «Р.Валент», и пребывают совершенно вне современного контекста европейского и американского переводоведения (за исключением прекрасных, но давних работ Лоренса Венути, в которых было введено понятие «невидимого переводчика», позже редуцированное, к сожалению, к приблизительно понимаемому общему месту, и фрагментов из еще более давних работ Юджина Найды 1960-х гг., цитируемых по советским переводам 1970-х), включая работы иностранных исследователей по истории и теории отечественного перевода (две статьи ведущей в этой области шведской исследовательницы Сусанны Витт упомянуты один раз и без указания сборников, в которых они помещены).

Что тут скажешь?

-
- 6 Впервые статья Долинина «Гибель Запада: К истории одного стойкого верования» была опубликована в сборнике «К истории идей на Западе: “Русская идея”» (СПб., 2010. С. 26—76).
- 7 Цит. по: *Каганович Б.С.* Александр Александрович Смирнов. 1883—1962. СПб., 2018. С. 89.